

Достоевского («О всемирной любви») и главу («Страх Божий и любовь к человечеству») о «розовом» христианстве Л. Н. Толстого. Связывая христианство того и другого художника с социальным учением Сен-Симона, произведениями Жорж Занд и европейской мыслью конца XVIII в., приведшей Европу «на край революционной пропасти», обрушиваясь на двух писателей, Леонтьев призывал к «мужественному примирению с неисправимостью земной жизни». Брошюра продавалась в пользу «слепых Москвы» (!).

В письме к знакомому дипломату, К. А. Губастову, вспоминая историю появления «Новых христиан» К. Н. Леонтьев рассказывал: «...Я советуюсь с Ф. (Т. И. Филипповым.— *Н. Р.*) насчет моей книги „Новые христиане“ (Вы знаете ее — обличение в недостаточном христианстве Достоевского и гр. Л. Толстого?). Он одобряет — издаю... со всех сторон — нападки... Лесков пишет в либеральных „Новостях“ 4 больших статьи, очень острых, хотя и не совсем добросовестных в деле изложения моих взглядов: зовет меня инквизитором, говорит, что я хочу, чтоб профессоров „секли“. (Я этого не говорил; но не скрою от Вас, что я против этого не ш у т я ничего не имею: не в этом месте сосредоточено все достоинство человеческое). Выражается далее, что я поднял на двух великих писателей наших „неумелые руки“ и т. д. Другой критик, обыкновенный славянофил, более благоприятный, обвиняет меня только в том, что я не точно выразил и не понял идеи „всеобъемлющей любви“... Третий, молодой священник, пишет, что меня видимо раздражает слава Достоевского...» [17, с. 445].

На полях одной из последних литературно-критических работ К. Н. Леонтьева, опубликованной в «Русском вестнике» (1890, № 6—8), «Анализ, стиль, веяние», автор ее в принадлежавшем ему экземпляре против собственных слов «у Достоевского трагизм каких-то ночлежных домов...» сделал примечание от руки: «...Я знаю п о ч е м у я не люблю р о м а н о в Д-го (с о ч у в с т в у я в то же время его публицистике, за исключением глупого бреда в речи о Пушкине), но м и м о х о д о м так решительно говорить не следовало... Это правда;— но лучше молчать» [18, с. 119].

Незадолго до смерти, в неоконченных воспоминаниях «Мое обращение и жизнь на Афонской горе» монах К. Н. Леонтьев возвратился к больной для него теме: «Считать „Бр. Карамазовых“ православным романом могут только те, которые мало знакомы с истинным православием, с христианством святых отцов и старцев Афонских и Оптиных»; «сочинительство» Достоевского в этом романе Леонтьев квалифицировал как «поверхностное и сентиментальное» [8, т. IX, с. 13, 17]. В одной из последних статей «Над могилой Пазухина», называя народные толпы «своекорыстными, страстными, глупыми, легко развратимыми», Леонтьев писал: «Чтобы русскому народу действительно пребыть надолго тем народом, „богоносцем“, от которого ждал так много наш пламенный народолобец Достоевский, он должен быть ограничен, привинчен, отечески и совестливо стеснен, не наде лишать его тех внешних ограничений и уз, которые так долго утверждали и воспитывали в нем смирение и покорность. Эти качества составляют его душевную красу...» [8, т. VII, с. 425]. «Неравноправность политическая (и даже отчасти гражданская) в высшей степени полезна и спасительна для самой личной веры» [8, т. VII, с. 425]. Мысль о Достоевском, о «Братьях Карамазовых», о пушкинской речи стала своеобразной идеей *fixe* К. Н. Леонтьева.

Враг «патетической туманности», Леонтьев «договорил себя до конца». В предсмертных письмах к В. В. Розанову (1891 г.) он представил свою идейную позицию в свете «поэмы о великом инквизиторе»: «Ведь я, признаюсь, хотя и не совсем на стороне „Инквизитора“, но уж, конечно, и не на стороне того безжизненно-всепрощающего Христа, которого сочинил сам Достоевский, и то, и другое — крайность... Действи-